

Евгений ПОПОВ,
Михаил ГУНДАРИН

ЯВЛЕНИЕ «НЕВОЗВРАЩЕНЦА»

Тридцать пять лет назад, в июньском номере журнала «Искусство кино» за 1989 год вышла в свет повесть Александра Кабакова «Невозвращенец». Успех был оглушительным. Эта книга стала едва ли не первой «перестроечной» прозой о настоящем и будущем, она была издана огромными тиражами в только появившихся кооперативных издательствах. С выходом «Невозвращенца» навсегда изменилась судьба его автора: вчерашний журналист в одночасье стал богатым и знаменитым, причем не только в Советском Союзе, но и за его пределами. И такая модель писательского успеха тоже стала для тех лет, когда литературные институты находились в глубоком кризисе вместе со всеми остальными в стране, абсолютной новинкой. «Невозвращенец» до сих пор переиздается и читается, изучается литературоведами. Предлагаем вашему вниманию главу из первой биографии Александра Кабакова, которую пишут многолетний друг автора «Невозвращенца» и множества других романов, рассказов и эссе Евгений Попов и прозаик, критик, поэт Михаил Гундарин (Попов и Гундарин уже выпустили в соавторстве биографии Фазиля Искандера и Василия Шукшина, книгу о литературной истории 1968 года).

КГБ И ПРОЧИЕ МОТИВИРУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Жизнь у 45-летнего Александра Кабакова к началу перестройки складывалась на зависть многим. А с приходом Горбачева все стало еще удачнее. Юрий Визбор некогда пел: «Я получил отдел, Вовка съездил в Париж»... За 10 с небольшим лет московской жизни приехавший из Днепрпетровска провинциал Кабаков и отдел получил (то есть стал заведомо информаций крупной, уважаемой и авторитетной газеты «Гудок» — вошел в профессиональную журналистскую элиту). И за границей побывал, причем в капитале (летом 1987 года его с женой Эллой Евгеньевной выпустили во Францию по приглашению ее тамошних родственников).

Вращался он в самой крутой творческой тусовке: литераторы, художники, джазмены, конечно, все в разной степени критически настроенные к власти. Одевался и дорого, и стильно, разве что от буйной кудрявой шевелюры молодости мало что оста-

Евгений Анатольевич Попов родился в 1946 году. Писатель, драматург и эссеист, секретарь Союза писателей Москвы, один из основателей и вице-президент Русского ПЕН-центра. Автор более двадцати книг, переведенных на множество языков. Заслуженный работник культуры РФ, награжден орденом Дружбы.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Преполагает в вузах, кандидат философских наук. Автор более 10 книг стихов и прозы, многочисленных литературно-критических статей и эссе. В соавторстве с Евгением Поповым написал биографии Ф. Искандера и В. Шукшина. Живет в Москве.

лось — но это только придает ему шарма. Активно публиковался (пусть и юмористические вещи, пусть и в газетно-журнальной периодике, но даже премию «Литературной газеты» завоевал!). Полагаем, вот-вот должны были появиться в печати ранее непечатные его вещи. Но впереди Кабакова ждал воистину звездный час.

Повесть «Невозвращенец» поменяла его судьбу. Да настолько, что у Александра Абрамовича одно время появились опасения: не останется ли он в глазах аудитории автором одной книги. Книг он до самой кончины в 2020 году написал много, публикой был любим, премиями отмечен — но будем искренни: первая ассоциация при упоминании имени Александра Кабакова — именно эта, до сих пор приходится слышать о нем: «А, тот самый автор перестроечного супербестселлера». Да ведь и сам говорил уже в 2018 году: «До сих пор, с десятком опубликованных романов, почти сотней рассказов и несколькими пьесами, с пятитомником неполного собрания сочинений и огромным количеством отдельных сборников, с двумя премиями „Большая книга“ и прочими регалиями, я остаюсь в общественном сознании автором только „Невозвращенца“. Я возненавидел бы это сочинение, если бы не чувство благодарности». Да, было, было за что благодарить «Невозвращенца»!

Александр Абрамович, как и многие другие его коллеги по перу всех стран и времен, с удовольствием работал над своим «биографическим мифом». А «Невозвращенец» в этом мифе занимает важнейшее место. Поэтому историю создания и публикации повести Кабаков рассказывал часто и охотно, причем с различными (иной раз и противоречащими друг другу) подробностями.

Вот одна из наиболее полных версий — в интервью Игорю Свиноаренко, данному к десятилетию выхода в свет книги (ее журнального варианта). Интервью опубликовано в газете «Коммерсантъ», одним из руководителей которой Кабаков в момент интервьюирования был.

«Это было в 1988 году. Я тогда работал в газете «Гудок» редактором отдела информации. И вот вызывают меня однажды в отдел кадров, а там в кабинете двое мужчин, один помоложе, другой постарше. Они начали меня вербовать... Я там даже сохранил имена-отчества этих людей, только поменял их крест-накрест. И портретное сходство сохранил. Один такой пухлый, молодой, а другой худой, с чеканным лицом, этакий человек с плаката. Они потом еще несколько раз приглашали меня на встречи в гостиницу „Интурист“, в „Центральную“, где у них были служебные номера. Это все у меня там описано с небольшим гротеском, с очень небольшим преувеличением. Ну, одежда их превращается в форму НКВД... А то, что они в книге несли чушь, они и так несли чушь.

Они объясняли, что если я советский человек, то должен иметь совесть. Напомнили мне, что я ездил за границу, встречался с там с нашими эмигрантами, что у меня есть знакомая датская журналистка, так вот она работает на спецслужбы... Мы ж, говорят, не призываем тебя стучать на своих, а просим выполнить долг патриота и помочь разоблачению вражеского агента. Я мямлил, что у меня не получится. Я прикидывался Швейком.

— А эта датчанка, она действительно работала на спецслужбы?

— Меня это не интересовало. А если б действительно работала, то мне оставалось только молча пожать ей руку. Ведь я же был противник существовавшего в этой стране строя. И все, что его подрывало, было мне близко, я это приветствовал. Потом тот строй рухнул.

— А было страшно, что на тебя „наехал“ комитет?

— Мне было действительно не по себе. Они меня пытались запугать. Я даже, помню, советовался с отцом.... Отец сказал: „Кончай с ними играть. Эти не те люди, с ко-

торами можно играть. Нет, значит, говори им „нет“. Все“. Я сказал „нет“. Тем более что свой интерес к их методам работы я удовлетворил. И уехал в отпуск — писать про них эту повесть. О чем их честно предупредил перед отъездом.

Эта повесть была мне нужна по двум причинам. Во-первых, я не читал в русской советской литературе ни единого художественного описания процесса вербовки... Кроме художественной задачи, я перед собой ставил и практическую: отмазаться. Чтоб они, вымещая неудачу, не записали меня в стукачи. Как это они сделали со многими людьми». О таком исходе дела его, кстати, предупреждал мудрый отец, советский подполковник-инженер Абрам Яковлевич.

Говоря откровенно, готовность пожать руку иностранному шпиону (шпионке) как-то Александра Абрамовича не совсем красит. И вряд ли осторожный Кабаков был вообще на такое способен. Но вот храбриться — это он мог, как и большинство представителей советской творческой интеллигенции. Ведь «Невозвращенец» при всех его инвективах в адрес советского строя рожден как способ психологической компенсации страха. Обычно, повторим, чувства советской интеллигенции по отношению к спецслужбам. Это было одной из главных причин большого успеха книги: Кабаков угадал интеллигентскую доминанту и талантливо ее выразил. Ну и отыгрался на «плохих» кагэбэшниках.

В другом месте Кабаков говорит более откровенно: «Скажу честно: я перепугался. Наверное, не так, как перепугался бы лет за пять до этого, но перепугался здорово. Главное, я не мог решить, как себя вести, чтобы и не подыграть им, не дай бог, и себя не подставить».

Насчет «игры», сдается нам, Кабаков, рассказывая об этом, входит в роль своего персонажа из романа «Подход Кристаповича». Какие уж тут, прямо и честно говоря, игры...

Но это и неважно. Главное — появился импульс к созданию книги. Кабаков, как видный «гудковец», вместе с женой едет на юг, в пансионат железнодорожников недалеко от Одессы, но уже в Молдавской ССР. Там хорошо. Там поет Пугачева. Там пахнет дустом (им посыпают розы). Кабаков, сидя на балконе, как проклятый стучит на стильной (как иначе) портативной пишмашинке «Rheinmetall» (и годы спустя писатель вспоминал о ее сереньком в белую точку, как у дорогих саксофонов, футляре). Сидит он на табуретке, машинка стоит на другой. Сидеть жестко, некомфортно, зато атмосфера получается соответствующая дисгармоничному настрою повести.

Отметим ради объективности, что в другом интервью Кабаков говорит о старенькой портативной пишмашинке «Москва». Ну, это для него обычная история, а «Rheinmetall» в «саксофонном» чехле — такая яркая деталь!..

Итог — 75 страниц будущего мегахита за 20 дней 1988 года.

Далее было чтение в узкой аудитории. Кстати, по словам автора, это мероприятие оказалось удачным хотя бы потому, что «за десять минут до начала этого домашнего чтения я заменил название — называлась повесть бессмысленно и претенциозно „Потом наступает рассвет“. Мгновенно, по наитию, я зачеркнул эту чушь и вписал то название, которое, я думаю, принесло едва ли не половину успеха сочинению».

Кабаков «собрал литературных приятелей дома — Игорь Иртеньев, Юра Арабов... Кто еще? Боря Гуреев, Дима Попов, киновед, он сейчас живет в Германии...

Закончил я читать, и тут Володя Эфраимсон (сейчас в Америке) говорит: „Ну, Сань, ты даешь! В разгар гласности написать непроходняк, это ж надо!“

Я сам понимал, что непроходняк. Там же был Горбачев и крах перестройки. Я и не мечтал это напечатать.

Но Дима Попов забрал у меня рукопись и отдал своему начальнику по „Искусству кино“, Константину Щербакову. И тот ее, к общему офигению, лично протащил через цензуру!»

Почему «Невозвращенец» вдруг стал киноповестью? Ответ прост. Прежде всего потому, что так было легче его опубликовать в КИНОжурнале, которым руководил блестящий журналист, кинокритик и киновед Константин Щербаков, родной сын, кстати, того самого первого секретаря Московского обкома ВКП(б) Александра Щербакова, похороненного в Кремлевской стене, за гробом которого шли в 1945-м Сталин, Ворошилов, Маленков, Шверник, Берия, Каганович.

Он сделал из отраслевого органа печати популярный и очень интересный вестник нового, «прогрессивного» искусства, с огромными, а по сегодняшним меркам и вовсе космическими, тиражами. Опять же, «Невозвращенец» ему очень в этом помог (журнал позже опубликует и другие вещи Кабакова).

Что характерно: в том же номере, что и повесть Кабакова (отметим стильное даже и для сегодняшних дней оформление издания, а тогда это было просто чем-то невиданным), Щербаковым были напечатаны материалы, далекие от кино. Целый блок статей о художниках (ругают Илью Глазунова, хвалят Сальвадора Дали; Эрнст Неизвестный рассказывает о себе). Да и о кино говорится, например, применительно к авангардистам-«параллельщикам» (им посвящен еще один блок текстов).

В общем, «Искусство кино» на рубеже 80—90-х было одним из лучших культурных изданий страны. И умным, и влиятельным, и популярным.

На волне популярности издания, Щербаков в 1992 году пересядет в кресло замминистра культуры РФ (в правительстве Гайдара). Запом, потом первым замом проработает до 1998 года, своих 60 пенсионных лет. Далее займется общественной работой, станет почетным членом Российской академии художеств. До сих пор окружен всеобщим уважением.

Надо заметить, что за несколько месяцев, прошедших с момента написания до публикации «Невозвращенца», в жизни и карьере Кабакова произошли серьезные изменения (а уж какие изменения происходили в стране на рубеже 1988—1989 годов!). Во-первых, Кабаков покинул «Гудок» ради суперпопулярных «Московских новостей», которые на глазах у всех становились газетой номер один в стране, рупором, знаменем радикальных «прорабов перестройки». Кабаков, который любил быть «на волне», в центре моды и стремился к этому, конечно, сделал логичный выбор.

Во-вторых, он собрал и отнес в одно из первых кооперативных издательств сборник своей прозы под лихим названием «Заведомо ложные измышления» — формулировка политической статьи советского Уголовного кодекса. Все же одну из повестей издатель публиковать побоялся, но и остальное было невозможно представить в печати не то что год — полгода назад, в середине 1988-го.

Параллельно произошло вот что: перед сближением с «Искусством кино» он оказался на «Мосфильме». Не с «Невозвращенцем», а с «Кристовичем», своим первым романом, написанным (не до конца, впрочем) еще до «Невозвращенца». Вспоминать об этом он будет так: «...сочинение попало на глаза знаменитому режиссеру Владимиру Наумову, и он взялся снимать фильм, один из первых официально антисоветских, „Десять лет без права переписки“, вышедший только в 1990 году... Я стал, ни мало ни много, сразу модным дебютантом-сценаристом главной киностудии, соавтором народного артиста СССР».

И поэтому в «Искусство кино» он пришел все же не с улицы — а с главной студии страны.

Повесть вышла в июньском, за 1989 год, номере журнала «Искусство кино» с предисловием Щербакова. Предисловие отлично показывает те особенности восприятия читателей, которые обеспечили «Невозвращенцу» такой успех. И вообще, очень характерный для эпохи документ. Стоит привести его почти полностью:

Киноповесть Александра Кабакова «Невозвращенец» — антиутопия, род литературы для нашего читателя непривычный. Только сейчас мы прочли Замятина, Оруэлла.

Конечно, литература не влияет на реальность напрямую, но вот о чем вдруг подумалось: если бы эти книги были прочитаны раньше, если бы содержащиеся в них предупреждения были услышаны, быть может, что-то в нашей недавней реальности сложилось бы иначе — гуманнее и разумнее.

Способность пережить в воображении ужас, апокалипсис дает силы ему противостоять, уменьшает возможность того, что нечто подобное может случиться в действительности. Это важно понять и применительно к киноповести, которая предлагается вашему вниманию.

Сколь бы пессимистичной ни казалась на поверхностный взгляд позиция автора «Невозвращенца», речь здесь может идти никак не о безнадежности, а о жестком и трезвом предупреждении. О том, что может произойти, если нам не удастся справиться с существующими в нашем обществе деструктивными, антиперестроечными процессами. Предупреждению об опасности, не считаться с которой мы не имеем права, которую должны исторгнуть, изжить.

Вспоминаю в этой связи фильм Константина Лопушанского «Письма мертвого человека», рассказывающий о страшных последствиях атомной войны. Он не о том, что атомная война неизбежна. Он о том, что каждый — каждый! — должен осознать угрозу и сделать все, что в его силах, чтобы катастрофы не произошло.

«Невозвращенец» Александра Кабакова о том, что перестройка — это, быть может, наш последний шанс, и мы не имеем права его упустить.

В общем, публикация прямо играла на руку Горбачеву и его команде, которая пыталась для укрепления своих позиций сформировать «образ врага» из партийных консерваторов. То есть «перестройщики» шли привычной дорогой властей всех времен и народов: напугать публику и предложить себя как гарантию спасения от злодеев. Это в итоге удалось, и «Невозвращенец», став суперпопулярным, тут им здорово помог.

Итак, повесть вышла — и Кабаков проснулся знаменитым. Вернее, как шутил он: «Я не проснулся знаменитым. Я знаменитым уснул». Приведем мемуар Кабакова о приятнейших для всякого автора моментах.

Это было в одно июльское воскресенье (точнее не помню) 1989 года.

...Еще взялся с ключами от входной двери, я услышал, как особым, международным звоном заливается телефон.

— Это Юлиан Панич, радио «Свобода»¹, — сказала трубка прекрасным актерским голосом, который я и без представления сразу узнал, этим голосом звучали на «Свободе» тексты Солженицына. — Мы вас разыскиваем уже месяц, нам нужно ваше разрешение на трансляцию радиоспектакля по вашему «Невозвращенцу». Постановку мы уже сделали. С вами хочет поговорить редактор программы Сергей Юрьенен...

В тот же вечер я слушал свой текст, по ходу действия сопровождавшийся студийными взрывами и стрельбой.

¹ Здесь и далее: внесено Минюстом РФ в реестры иностранных агентов и нежелательных организаций.

Почти с самого начала передачи телефон звонил не умолкая. «Свободу» слушали все. Потом всю ночь перезванивались — уже было можно.
Вот так я и заснул знаменитым.

И степень этой знаменитости была удивительной.

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

Но сначала — о самой повести.

Краткое содержание таково. Юрий Ильич, научный сотрудник академического НИИ, в годы перестройки становится объектом вербовки некой организации, именующей себя «редакцией». Явившиеся к нему прямо на работу «редакторы» Игорь Васильевич и Сергей Иванович требуют, чтобы он использовал по их заданию свои необычные способности: Юрий Ильич — экстраполятор, умеющий переноситься в будущее.

Перемещаясь во времени, Юрий Ильич оказывается в 1993 году — в эпохе, именуемой Великой Реконструкцией. По темной, пронизанной ледяным ветром Москве опасно передвигаться без оружия; пальто у героя, как и у других прохожих, оттопыривает «калашников». По Тверской то и дело проносятся танки, у Страстной площади грохочут взрывы, а по улицам проходят облавы истребительных отрядов «угловцев» — борцов за трезвость, именующих себя так в честь хирурга Федора Углова, объявившего войну алкоголю...

Изредка герой включает транзистор, экономя драгоценные батарейки. По радио звучат новости о съезде в Кремле бесчисленных партий, названия которых звучат фантастически — вроде Конституционной Партии Объединенных Бухарских и Самаркандских Эмиратов, сообщаются также сведения из газеты американских коммунистов «Вашингтон пост»...

Спасаясь от очередной облавы, Юрий Ильич оказывается в темном подъезде дома, где прошло его детство. Здесь он встречается с женщиной из Екатеринославля (бывшего Днепропетровска), которая приехала в Москву за дефицитными тогда сапогами. Через черный ход им удается скрыться и от отряда «афганцев», убивающих пассажиров старенького «мерседеса», и от облавы Комиссии Народной Безопасности, очищающей московские дома от бюрократов. Они проходят мимо черных руин гостиницы «Пекин», обжитых московскими анархистами. Недавно в одном из окон висел на цепи труп парня-«металлиста», казненного палачами из Люберец. Возле дома с «нехорошей квартирой», описанного Булгаковым, дежурят пикеты «свиты сатаны» в кошачьих масках.

Узнав, что Юрий Ильич обладает бесценными талонами, по которым выдаются предметы первой необходимости, женщина не отстает от него ни на шаг. Она рассказывает неожиданному спутнику о том, какая богатая жизнь была у нее раньше — пока мужа, работавшего на автосервисе, не убили собственные соседи. Женщина сначала заискивает перед обладателем талонов, потом отдается ему прямо на покрытой инеем скамейке, а потом, матерясь от классовой ненависти к «журналисту московскому», пытается застрелить его из его же автомата — все ради тех же талонов. Только очередная облава Комиссии Народной Безопасности, от которой они оба вынуждены спастись, позволяет герою избежать такой смерти.

После разных других увлекательных приключений, все в том же роде, вернувшись в настоящее, Юрий Ильич опять попадает в лапы вездесущих «редакторов». В следующее путешествие в 1993 год герой отправляется уже вместе с женой. У Спасских ворот

они видят, как мчится в Кремль белый танк диктатора генерала Панаева в сопровождении всадников на белых конях. На Красной площади выдают по талонам продукты: мясо яка, крупу саго, хлеб производства Общего Рынка и т. п. Юрий Ильич с женой идут домой.

Их обгоняют беглецы из Замоскворечья, Вешняков и Измайлова, из рабочих районов, где боевики Партии Социального Распределения отбирают у людей все вплоть до рубашки и выдают защитную форму. Юрий Ильич выбрасывает карточку с телефоном своего ночного собеседника, предлагавшего ему изменить жизнь, несмотря на то, что понимает: его жена была бы на месте только там, куда звал «ночной барин» — где «пьют чай с молоком, читают семейные романы и не признают открытых страстей». В этот момент Юрий Ильич видит своих «редакторов», грозящих ему пистолетом из проезжающих «Жигулей». Но в кошмарном будущем времени, в котором он решил остаться по собственной воле, герой не боится этих людей.

Поэтому и «Невозвращенец», собственно.

Ну и несколько характерных цитат:

— Вот, радуйтесь, дождались! То, что вы, вся наша паршивая интеллигенция, так ненавидели, рухнуло. Аномалия, умертвлявшая страну почти век, излечена, лечение было единственно возможным — хирургическое... Госпитальная хирургия: кровь, ошметки мяса, страх и никакого наркоза...

— Извольте: мы начали лечение... А в девяносто втором — метастаз: его превосходительство генерал Панаев. Это — верная смерть. Что же — прикажете ждать, пока этот рак страну сожрет? Или все же хирургия?

— Варварство и идиотизм. А разве лучше умереть зарезанными, чем естественно?

Какой-то человек влез на железный ящик помойки, взмахнул рукой, в которой был зажат длинный нож-штык, и негромко прокричал:

— Всем стоять смирна-а! Вы заложники организации Революционный Ка-амитет Северной Персии! Наши товарищи захвачены собаками из Святой самообороны. Если через час они не будут освобождены, вы будете зарезаны — здесь, в этом дворе. Кто будет кричать — будем резать сейчас!

А вот еще:

— Вчера в Кремле, — сказал диктор, — начал работу Первый Чрезвычайный Учредительный Съезд Российского Союза Демократических Партий. В работе съезда принимают участие делегаты от всех политических партий России. В качестве гостей на съезд прибыли зарубежные делегации — Христианско-Демократической Партии Закавказья, Социал-Фундаменталистов Туркестана, Конституционной Партии Объединенных Бухарских и Самаркандских Эмиратов, католических радикалов Прибалтийской Федерации, а также Левых коммунистов Сибири (Иркутск). В первый день работы съезда с докладом выступил секретарь-президент Подготовительного Комитета генерал Виктор Андреевич Панаев. Московское время — ноль часов три минуты. Продолжаем передачу новостей. Вчера в Персидском заливе неопознанные самолеты подвергли очередной ядерной бомбардировке караван мирных судов, принадлежащих Соединенным Штатам. Корабли шли под нейтральным польским флагом, но это не остановило клерикал-фашистов. Мировая общественность горячо поддерживает миролюбивые усилия...

А вот как выглядит «Выравнивание»: из московского дома, где жила столичная элита, выводят все его население.

Мужчины были все как один в хороших серых пальто и меховых шапках, в руках они несли плоские чемоданчики. Женщины были в шубах и полушубках из овчины. Дети и подростки шли в куртках, без шапок, в небрежно накинутых капюшонах. Их было около сотни.

— По специальному поручению Московского отделения Российского Союза Демократических Партий я, начальник третьего отдела первого направления Комиссии Национальной Безопасности тайный советник Смирнов, объявляю вас, жильцов дома социальной несправедливости номер — он взглянул в какую-то бумажку, — номер восемьдесят три по общему плану радикального политического Выравнивания, врагами радикального Выравнивания и, в качестве таковых, несуществующими. Закон о вашем сокращении утвержден на собрании неформальных борцов за Выравнивание Пресненской части.

К слову о предсказаниях. Критики лет десять назад, то есть, уже в 2010-х, заметили, что «правые» страхи писателя: диктатор-генерал Панаев на белом танке, рутинные ядерные бомбардировки, клерикал-фашисты, социал-фундаменталисты, католические радикалы и прочее — либо осуществились, пусть и не в такой густоте, либо вполне представимы. А вот вкрапленные им там и сям «левые» страхи остались втуне. «Вашингтон пост» так и не стала, увы или к счастью, «газетой американских коммунистов», в Иркутске не правят Левые коммунисты Сибири, боевики из предсказанного Кабаковым «Сталинского союза российской молодежи» не орудуют на Тверской, и никакого «радикального Выравнивания» пока даже не намечается.

Еще интересный факт — существует лингвистический анализ текста повести, так вот, согласно ему, она построена на диалогах — их в тексте аж 49 процентов, значительно больше, чем в среднем.

В общем, как заметил один литературовед, «„Невозвращенец“ — он о чувстве катастрофы, которая в России носится над всем. Понимаете? Это всегда предощущение ужаса, в котором русский человек живет. Ну и конечно, это контролируемость всех наших мыслей, именно мыслей определенной конторой, потому что, если вы помните, именно эта контора отправляет героя в будущее, и он в нем остается, потому что в нем есть подлинность».

В уже процитированном интервью 1999 года Кабаков, как представляется, достаточно откровенно говорит Игорю Свиноаренко: «Ну, если ты интересуешься насчет трех источников и трех составных частей, то это вербовка, известное сочинение Оруэлла „1984“ и предчувствие гражданской войны...»

Я тогда домой с работы ходил пешком через Пушкинскую площадь. И останавливался возле кафе „Лира“, где все время шли митинги. Стоял, рассматривал и слушал.

— А как ты угадал, что стрелять в Москве будут именно в 93-м?

— Роман Виктора Гюго „93-й год“ в свое время произвел на меня такое впечатление, что действие своей повести я перенес в 1993 год. Только поэтому, уверяю тебя. И я пытался представить, как же будет выглядеть гражданская война в Москве.

— Да... ты тогда почти точно угадал фамилию главаря путчистов — Панаев.

— За это спасибо цензуре. Она потребовала изменить фамилию диктатора Гончарова — чтоб не было созвучно с Горбачевым. Цензоры не просто понимали литературу, они понимали авторский замысел! Подсознательный замысел! Так сегодня уж никто больше не читает. Я и поменял Гончарова — ну, Гончаров, Скабичевский, Панаев — на Панаева.

— А какой еще вклад цензура сделала в твое произведение?

— Выкинула описание большого котлована на месте Мавзолея и маленьких ямок у Кремлевской стены. На которое меня вдохновил Марк Захаров, потребовавший немедленно закопать Ленина».

В общем, мир «Невозвращенца» сложился по кусочкам. И эти кусочки, понятные и лакомые для каждого позднесоветского интеллигентного читателя, образовали аппетитное блюдо. Этакую, продолжая сравнение, пиццу, которая в те годы только начинала завоевывать СССР.

В обстоятельном разборе еще 1990 года Михаил Золотоносов выделял в этой «пицце» два основных слоя — аллюзии на текущие политические события и аллюзии литературные, из которых хорошо виден круг авторов, интересных, условно говоря, раннему Кабакову (хотя, напомним, в год выхода легендарной повести ему исполнилось 46 лет). И в самом деле «Невозвращенец» представляет своеобразный каталог, который можно снабдить «реальным комментарием»: «отряд угловцев» — и цитаты из выступлений профессора Ф. Углова, можно сказать, на глазах у всех идейно породнившегося с «Памятью» после декларации о вине сионизма за народный алкоголизм; Партия Социального Распределения — и программа «крестного отца» Российской компартии (учрежденной 21 апреля 1990 года в Ленинграде) М. Попова; «витязи» — черноподдевочки — и описание «Памяти», ее лидеров: И. Сычева, Д. Васильева, Н. Лысенко... Все изображенное здесь — знаки политических реалий, доведенных до логического завершения.

Однако в романе представлены и «приметы» сопряжения с литературными первоисточниками: М. Булгаковым («Роковые яйца», «Иван Васильевич», «Мастер и Маргарита»), Е. Зозулей («Рассказ об Аке и человечестве»), Ю. Даниэлем («Говорит Москва»), В. Аксеновым («Остров Крым» (кстати, Крым у Кабакова назван именно островом, а В. Аксенов — автором «бездарной книжонки» «Материк Сибирь», которая благословила кровавый мятеж азиатских повстанцев в Оренбурге, Алма-Ате и Владикавказе)). Образ главного героя, фиксирующего происходящее, со всей очевидностью отсылает к персонажу замятинского «Мы», также ведущего «дневник», репрезентующий устройство Единого Государства. Во внешности же «сочинителя, песни которого пела вся страна», проносащегося в вагоне метро (куда его засунули анархисты, чтобы «остановившись где-нибудь в Дачном под утро, вытащить на перрон и заставить петь»), нетрудно узнать Б. Окуджаву: возможно, был задуман резкий контраст Москвы, по которой «Александр Сергеевич прогуливается» и в которой «ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдет», и Москвы, где «танк привычен, как такси, без „калашника“ по Тверской никто не ходит, а памятник Пушкину сбрасывает озверелая молодежь постсоциализма».

«НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ» ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

Итак, суперуспех повести и ее автора начался с трансляции на «Свободе», которую как раз тогда перестали глушить в СССР.

А дальше были:

Договор о мировых правах с издательством Christian Bourgois.

Переводы и издания во всех европейских странах, в США и Японии.

Promotion-тур по Европе, с интервью и рецензиями в газетах, от «Le Figaro» до «The Guardian».

Без малого месяц с лекциями в Австралии.

Ну и другие приятности, о которых Кабаков вспоминал с удовольствием несколько десятилетий спустя: «Раннее утро в Париже, возле метро Odeon, киоск, сверху донизу увешанный Paris Match с моей фотографией...

И фотография на рекламной тумбе во Франкфурте — „сенсационный автор ярмарки этого года“».

Из откликов прессы: «Потрясающий сценарий советского коллапса» («Тайм»). «„Невозвращенец“ Кабакова — это нечто, произросшее из антологий, включающее всю литературу антиутопий, от Хаксли до Оруэлла и Замятина» («Нувель обсерватор»). «Мистер Кабаков один из первых горбачевских удачников, писатель, чья профессиональная жизнь переменилась, когда советский лидер положил конец многим ограничениям самовыражения» («Нью-Йорк таймс»).

Прямо скажем, не слабо. По словам Кабакова, ему написал из Штатов Аксенов (с которым он познакомился в 70-х по джазовым делам) примерно с такими вопросами: а правда ли, мой друг, что ты колоссально сочинил какое-то колоссальное сочинение и теперь колоссально выступаешь по Москве как модный сочинитель? (Он всю жизнь любил слово 50-х «колоссально»...) Да, было колоссально.

А что по деньгам?

Дело щекотливое, так что снова дадим слово автору: «...звонок из Парижа: хотят у меня купить мировые права на повесть, предлагают шесть тысяч франков. Тысяча долларов, бешеные деньги! — если кто помнит 1989 год. Я... по совету сведущего человека — французский родственник, журналист — отказываюсь. Они через десять минут перезванивают и предлагают в десять раз больше. Тогда согласился».

И по нынешним временам нормально. По тем — для советского человека — состояние.

Были и гонорары за публикации. Первая книжная публикация состоялась еще в 1989 году, как раз в том томе избранного, книжном дебюте, о котором вспоминал Кабаков. В книгу вошло несколько глав из «Подхода Кристаповича» (весь роман даже не был дописан), две повести или больших рассказа. И срочно добавленный «Невозвращенец». Издательство «Книжная палата». Тираж — всего пять тысяч. То есть издано еще ДО международного супербума. Потом понеслось...

В 1990 году книжных изданий почти одновременно вышло несколько, и даже не очень понятно, кто успел первым обработать большую аудиторию. Возможно, ушлые одесситы, некое издательство «Вариант», пустившие в свет под аляповатой обложкой просто перепечатку журнального текста. Тираж неизвестен, но совершенно точно составляет не одну сотню тысяч экземпляров!

Официально же первой «большой» книжной публикацией считается выпущенная кооперативным издательством «Международная ассоциация „Диалог культур“» в Москве, в 1990 году. Под одной обложкой там «Невозвращенец» и «Вам отказано окончательно». Тираж 300 тысяч! Была в том же году и публикация в «Молодой гвардии», под одной обложкой с «Записками экстремиста» Анатолия Курчаткина. Тираж 100 тысяч! В общем, за 1989—1990 годы тираж повести перескочил за полмиллиона (а учитывая неофициальные, пиратские тиражи, может, и за миллион перебрался).

Кабаков через десять лет рассказывал откровенно: моментальная волна суперупека породила у него самую обычную, можно сказать, базовую иллюзию человека — мол, так будет всегда.

Да, я решил, что раз я теперь знаменитый писатель, то на жизнь мне хватит, причем на какую жизнь! Так что я уволился из «Московских новостей». Меня торжественно проводили, выпили хорошо... Я один из первых в Москве получил пла-

стикovou карточку! Но после я понял: мне просто казалось, что я богатый. Я потом увидел столько людей, которые были по-настоящему богаты, о богатстве которых я раньше просто не знал!

Я довольно долго жил в Париже. На радио «Свобода» я много выступал, почти как штатный сотрудник, с комментариями — долбал все. У меня в городе появились свои любимые места. Меня там знали. Бывает, даже теперь приедешь в Париж, зайдешь в любимое кафе La Palette, это на Левом берегу, а там спрашивают: «Что ж вы к нам давно не заходите?» — «Да вот, — отвечаю, — дела». Они не догадываются, что я просто на три дня в Париж заехал.

И тут в Париж приехал Егор Яковлев, мы встретились, и он велел мне по возвращении в Россию выходить на работу. Я послушался его и вернулся на работу. И надо сказать, что за это я ему благодарен. На что б я тогда жил, если б не он? Деньги-то быстро исчезли! За эти годы и куда большие деньги у людей успевали исчезнуть... А когда-то я мог купить «Ягуар».

Вспоминал Кабаков и о мошеннике из бывших соотечественников, который кинул его ни много ни мало на 30 тысяч франков...

Стали появляться пиратские издания, повесть перепечатывали чуть ли не в каждом регионе. Например, челябинская газета «Комсомолец» выпустила «Невозвращенца» полностью, в нескольких выпусках. Как вспоминает очевидец, «газета называлась „Комсомолец“ и очень этого стеснялась, так что в шапке у нее был нарисован кубик с большой буквой (как в детском лото), а по вертикальному краю не крупно виднелось полное название)... Прочел там Кабакова, потому что земля слухом уже наполнилась сверх меры».

Денег со всего этого Кабаков не получал. Хорошо хоть, автора указали (а бывало, и не указывали!).

В общем, не в деньгах счастье. Три года прошли, как в сказке. Жаль, что Кабаков отказался от контракта с западными киношниками — чуть ли не сам Оливер Стоун собирался снимать. Отказался под смешным предлогом: мол, уже подписан контракт с «Ленфильмом». Снятым там фильмом режиссера Снежкина Кабаков остался жутко недоволен.

Причем на родине «солидная» критика долго как будто не замечала «Невозвращенца». Заметили — когда начались события в Закавказье, в частности, когда войска применили в Тбилиси саперные лопатки (прямо как в книге), потом прошел путч-91, и многое стало как будто сбываться... Да, заметили, но ни новых денег, ни новой славы автору, собственно, это уже не принесло.

Зато сейчас в досье откликов о «Невозвращенце» можно занести сотни страниц. Будут тут и критика, и литературоведение, и — больше всего — публицистика.

Вот Валерия Новодворская разразилась пламенным, как обычно, панегириком книге: «Сценарий всех напугал. Он не о нас. Он про расколдованное царство, где процессы, разбойники, короли, пажи неловко и тяжело пытаются сделать первые шаги, размять члены, окаменевшие от столетнего сна... Персонаж Кабакова делает то, чего не сможет сделать породивший его автор, не сможем сделать мы, — он выбирает свободу, неприкаемую и бесшабашную, когда только от твоей ловкости и мужества зависит, доживешь ли ты до рассвета».

Ну что тут скажешь... Да ничего не скажешь.

Если брать современную повести критику, то преобладали, прямо скажем, не очень лестные оценки. Мол, политически правильно и читается хорошо, но разве ж это серьезная проза?... Кто-то писал, что «Невозвращенец» — «литературно-политическая кри-

тика». Кто-то отмечал торопливую манеру письма, обилие чужих текстов, разговорных и идеологических штампов.

Андрей Василевский все в том же 1990 году сравнивал повесть с жанрами, лежащими вне литературы: «...образцом (колодкой) служит в данном случае типовая модель западного фильма-катастрофы... Важно, что истинным содержанием таких произведений является, в первую очередь, сама катастрофа, на воспроизведение которой усилий не жалеют, а основным действием оказывается борьба героя, сильного духом и телом, за свое выживание и за спасение хотя бы одной красотки, он просто обязан выжить, в противном случае нарушается чистота жанра...»

Между прочим, сам Александр Кабаков в этой ситуации занял абсолютно выигрышную, наверное, единственно верную позицию. В многочисленных интервью (еще одна примета успеха: журналисты рвали его на части!) он без устали повторял, что для него всего важнее сатира, что фантастика — это только прием, и вообще: «Единственное, что я мог сделать, это развлечь читателя на то время, пока он читает книжку». Не придиришься!

Конечно, если подумать, то были еще блаженные времена, когда казалось, что литература должна воспитывать и наставлять на путь истинный. Торжественно отказавшись это делать, Кабаков сразу занял свое, особое место — между жанрами, между «высоким» и «низким». И этот «срединный путь» он пройдет четко и честно, до конца.

Вот что еще важно: очевидно, пытаясь как-то самоидентифицироваться в литературе, обозначить свое место «между» низкими и высокими жанрами, Кабаков поднял — публично одним из первых — знамя постмодернизма. Видимо, решив, что этот метод, как раз (по крайней мере, с внешней точки зрения) предполагающий смешение верхов и низов, философии и детектива, это самое его. Говорил он об этом в начале 90-х, говорил и, например, в 2013 году, когда постмодернизм уже вел, так сказать, арьергардные бои: «Постмодернизм — это воздух. Самые отчаянные и твердокаменные реалисты сейчас — все равно постмодернисты. Так что я самый настоящий постмодернист. Когда-то я придумал для себя определение — романтический постмодернист. Да, наверное. В моих сочинениях присутствуют все приметы жанровой литературы. Добро со страшной силой побеждает зло. У меня никогда не гибнет главный герой. И вообще все хорошо. Все очень нехорошо, но... хорошо. Чем меня и попрекают, почему серьезные критики и называют меня беллетристом». Но нам представляется, что даже если понимать постмодернизм именно так — несколько все же упрощенно, то к нему больше относятся вещи Кабакова 1990—2000-х годов. А «Невозвращенец» — прямое следование его любимому Аксенову, этикие приключения «с подковырочкой» и «двойным дном».

В 90-х «Невозвращенца» продолжали издавать за рубежом, в довольно экзотических переводах. Например, в Японии, где комментарии занимают более половины тома. Чем не постмодернистская традиция «комментарий больше текста», вызванная, впрочем, экзотичностью советской жизни для японцев.

Из довольно забавных фактов: «Невозвращенец» был выдвинут на отечественную премию фантастики «Великое кольцо». В 1989 году в списке претендентов кого только не было. Кабаков «боролся» со Стругацкими, Булычевым, Вячеславом Рыбаковым, Крапивинным... Победили Стругацкие, их, может быть, лучший роман «Град обреченный». Но! кабаковский «Невозвращенец» оказался на почетном втором месте.

Когда страсти улеглись, за дело взялись литературоведы. Вот, например, цитата из научной статьи о «Невозвращенце»: «Жанр произведения — антиутопия — кодирует пространство особым образом: художественный мир романа катастрофичен, ката-

строфа становится смыслообразующей характеристикой пространства... Хронотопичность героя романа „Невозвращенец“, на наш взгляд, связана с постоянным движением героя, анализ пространства через посредство сознания и действия героя приводит к выявлению особого локуса — локуса дороги. ...Ключевая пространственная оппозиция, выявленная в ходе анализа, — семиотическое противопоставление пространства „настоящего“/„будущего“ как пространства свободного/несвободного. ...Категориальными семами, которые, выстраивая смысловую и семантическую иерархию, раскрывают ключевую оппозицию и образуют оппозиционные семантические ряды с пространственной семантикой, могут быть названы: „замкнутость“, „отнесенность к быту“, „пустынность“, „статичность“, „поломанность“, с одной стороны, и „открытость“, „историчность“, „заполненность“, „динамичность“, „неразрушимость“ — с другой».

Скулы сводит, но, в общем, тут поспорить не с чем. И главное — незачем.

Все в порядке было у Кабакова и тогда, и потом, когда успех «Невозвращенца» стал забываться. Он много лет работал в «Московских новостях», в «Коммерсанте», потом в других медиа. Отнюдь не бедствовал. А главное — писал книги и активно публиковался.

А что «Невозвращенец» для многих оставался его главной книгой — что ж! Не самый плохой вариант. Он и сейчас переиздается, например, в 2023 году в «Редакции Елены Шубиной». Но тиражи, само собой, не те, что в 1990-м. А у кого они те — ровно ни у кого, кроме Донцовой.

Интересно читать отзывы современных — совсем молодых — читателей. «Невозвращенец» вызывает у них смешанные чувства:

«„Совковое“ произведение, которое придется по душе читателям преклонного возраста, пожившим в Советском Союзе, встретившим лихие 90-ые. Авторские фантазии разбушевались не на шутку. Скорее всего, больше не вернусь к произведениям Кабакова. На большого ценителя такое странное чтение. Догадываюсь, что роман представляет собой аллгорию».

Есть, впрочем, и иные суждения, не менее залихватские — но в другую сторону: «Небольшая 40-страничная повесть Александра Кабакова, возможно, спасла Россию от гражданской войны. Когда во второй тур президентских выборов вышли Ельцин и Зюганов, вся страна прекратила платить налоги и жила ожиданием открытого противостояния».

У Кабакова эта война случилась. И есть вероятность, что растиражированная в сотнях тысячах экземпляров повесть сыграла свою роль в том, что элитные подразделения МВД отказались поддерживать ГКЧП и не пошли против народа».

Вот так-то!

КОММЕНТИРУЕТ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Да, действительно! После выхода триумфального «Невозвращенца» стал реальной литературной звездой, сиянию которой завидовали многие даровитые советские сочинители, поднаторевшие в мастерстве создания «кукишей в кармане», а также «борьбе нанайских малышей» с цензурой. Отсюда и злоба, отсюда и лесть. Так не принято было писать ни в либеральной «Литгазете», ни в почвенническом «Нашем современном», ни в любом другом официозе. Про «андеграунд» умолчим, там и «Метрополь» сначала сочли детищем КГБ, пока не начались у его авторов РЕАЛЬНЫЕ неприятности вплоть до того, что меня и Виктора Ерофеева выгнали из Союза писателей, а пра-

вославного философа и богослова, математика Виктора Тростникова — из МИИТа, где он прежде, чем УВЕРОВАТЬ, сочинял советские брошюры типа «Человек и информация», «Конструктивные процессы в математике», «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики».

Кабаков в Москве знал ВСЕХ, даже Аллу Пугачеву и ее дочку Кристину Орбакайте, которую катал на плечах, изображая из себя во время квартирных застолий добрую лошадку. Брал интервью у будущего министра внутренних дел Владимира Рущайло, когда тот еще служил опером по раскрытию квартирных краж в Московском уголовном розыске.

И неудивительно, что Кабакова вербовали. А как, спрашивается, такого орла было не вербовать? Допуск к секретам имел? Имел. В Париже черт его знает с кем общался. Еще работая после технического вуза на Южмаше, где ему строго-настрого был запрещен «контакт с иностранцами», ухитрился во время отпуска переспать в Питере со шведской туристкой, что ему по возвращении на работу в Днепропетровск предъявили в первом отделе бдительные чекисты. Сошло как-то... Не с иностранцем же контактировал, а с ИНОСТРАНКОЙ! Везло Кабакову. Умел себя подать, умел уговорить, приврать.

Повезло ему и с Константином Щербаковым, который был уже тогда знаменит и уважаем в избавляющейся от коммунизма Москве. Дивны Твои дела, Господи! Сын высокопоставленного партийного функционера оказался высокой личностью. Реально заботился о стране и ее культуре, а не разводил пропагандистское бла-бла-бла. Я лично помню его как блестящего корреспондента тогдашней «Комсомольской правды», который в своих очерках о Сибири мало того, что написал про меня, непечатающегося, да еще вдобавок процитировал огромный кусок моего «андеграундного» рассказа, опубликованного значительно позже в альманахе «Метрополь»! Я действительно так считаю, что если бы все коммунисты были такие же толковые и рассудительные, как Константин Щербаков (здоровья ему!) или идеологический начальник комсомола Лен Карпинский, то, глядишь, и перестройка не обернулась бы трагифарсом, и не было бы такого количества изломанных судеб в ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩЕЙ, а не берущей все нахрапом стране. Да... «Съесть-то он съест, да только кто ж ему даст», — гласил старый советский анекдот примерно на эту же тему, посвященный проблеме рационального питания бегемота в московском зоопарке.

Константин Щербаков в предисловии к сенсационной повести Кабакова сказал, как припечатал, что хочется вопреки всем редакционным правилам повторять и повторять этот его пассаж: «„Невозвращенец“ Александра Кабакова о том, что перестройка — это, быть может, наш последний шанс, и мы не имеем права его упустить».

Хотя мало ли на что мы имеем право или, наоборот, не имеем в нашей непредсказуемой стране, где чего и кого только нет!

Вот был такой знаменитый хирург, писатель, общественный деятель, доктор медицинских наук, профессор, академик, лауреат Ленинской премии Федор Григорьевич Углов, доживший до 104 лет. Он на протяжении всей жизни был последовательным пропагандистом трезвого образа жизни, предлагал полный запрет продажи алкогольной и табачной продукции в СССР. Ведь, по мнению Углова, даже кефир, которым женщины вскармливают грудных детей, есть источник и причина алкоголизма. «Широк русский человек...» Провал горбачевской антиалкогольной кампании объяснял сговором бюрократии и «этнических нерусских», противостоящих идее трезвости русского народа. Лично мне интересно, успел ли он, ушедший из жизни в 2008 году, ознакомиться с «Невозвращенцем», где его сторонники «угловцы» изображены как полная шпана, гнобящая простых граждан во имя недостижимых целей?

Странен все-таки был гражданин СССР Кабаков! Когда я как-то спросил его, на кой черт он купил у какого-то отставного генерала двухэтажный деревянный дом в поселке Павловская Слобода, почти 50 километров от Москвы, и перестроил его «под себя» за огромные деньги, Кабаков смутился, а потом вдруг разоткровенничался:

— Я-то думал, что после сногшибательного успеха «Невозвращенца» буду «как Фолкнер». То есть поселюсь в БЛИЗКОЙ ПРОВИНЦИИ, буду писать, что хочу, и пить, сколько хочу. Денег-то у меня тогда куча была, я еще и квартиру в Испании прикупил, повинуюсь тогдашней моде. Был там раза два, потом продал «хату», которой практически не пользовался — меня И ТАК по всему миру приглашали, все оплачивали: дорогу, гостиницы, выступления. А только выяснилось, что без постоянной работы я жить не могу — раз, Павловская Слобода, где гениально отреставрировали потрясающую церковь Александра Невского и храм Пресвятой Богородицы, стала излюбленным местом пребывания «новых русских» — два. Есть еще и третье, и четвертое, о чем я, извини, умолчу.

Не посягая на «прекрасную тайну товарища», я свидетельствую: кабинет себе Кабаков на втором этаже перестроенной «виллы» — так я назову бывшую генеральскую жилплощадь — устроил гениальный, с уютными книжными полками, именно что ПИСАТЕЛЬСКИЙ.

Нанял «обслуживающий персонал», мужика и бабу родом с Украины, ИЗ ЕГО, замечу, МЕСТ. Но, увы, открыть окно там было невозможно, тихая улочка, где был куплен дом, превратилась в бойкий проспект, по которому богатые машины день и ночь шли, как по Тверской, бывшей улице Горького.

Кабакова раньше возила из Слободы на работу казенная машина, он привык к этому, и когда его выперли из им же созданного «Коммерсанта», не придумал ничего лучшего, как купить дорогущий ПОДЕРЖАННЫЙ «мерседес» и вдобавок нанять там же в Слободе шофера «кавказской национальности», который большую часть времени этот автомобиль ремонтировал с помощью дефицитных деталей, которые заказывались чуть ли не в Америке. В этом и был весь Кабаков, да, пожалуй, и не только периода «Невозвращенца», которому, как справедливо было замечено, некоторые «знайки» отказывали тогда в принадлежности к великой русской литературе. И уж не тогда ли он, кстати, возненавидел ВСЕ постсоветские Союзы писателей, которых расплодилось при перестройке видимо-невидимо, как грибов после дождичка? И сделал исключение только для Русского ПЕН-центра, куда самолично написал заявление дрожащей рукой, перед самой своей кончиной, объяснив это любопытствующим тем, что «там компания хорошая». И ведь действительно, что хотел, то и делал. И во всех своих удачах, а также наивных глупостях виноват сам, только сам.